

СОКРАТ. ПУТЬ ИСТИННОЙ ФИЛОСОФИИ

«Название “любомудрие”, то есть любовь к мудрости (таков смысл греческого слова φιλοσοφία), не может применяться к отвлеченной теоретической науке. Под мудростью разумеется не только полнота знания, но и нравственное совершенство, внутренняя цельность духа. Таким образом, “философия” означает стремление к духовной цельности человеческого существа — в таком смысле оно первоначально и употреблялось»¹.

В необозримых далях прошлого теряются истоки знания человечеством основ, на которых слагается жизнь Космоса. Все учения древности говорили о Золотом или Срединном Пути, о Гармонии между двумя Началами — Небом и Землей, Теросом и Тамасом, Духом и Материей. Преобладание в природе или человеке одного из них ведет к разрушению. Но, несмотря на присутствие этого знания, весь путь человечества, запечатленный историей, свидетельствует о метании между двумя полюсами. В истории познаний можно наблюдать то же стремление мысли базироваться в своих построениях на одном из двух противоположных полюсов: Абсолютное — относительное, Единичное — множественное, Беспредельное — конечное, Содержание — Форма. История философии с этой точки зрения напоминает два широких, никогда не сливающихся потока, из которых один берет начало в Платоне, другой в Аристотеле. С тех пор как эти исполины эллинского космоса очертили философию как область знания, понятия «идеализм Платона» и «позитивизм Аристотеля» стали необходимой основой всякого философского размышления. Возможно, понять причину такого непримиримого сосуществования и извлечь истинный смысл устоев этих двух подходов, нам поможет рассмотрение источника, в котором берут начало крайние течения философской мысли. Источник этот связан с необыкновенной личностью, дав-

---

¹ Соловьев В. С. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1988. С. 179–180.

© Е. С. Титаренко, 2008

шей первоначальный синтез философского миропонимания для европейского мышления, раскрывшей нравственную задачу человека и человечества, указавшей путь познания истины. Имя этой личности — Сократ.

Оглядываясь на историю, можно с удивлением обнаружить, что порой огромное историческое влияние отдельной личности, протянутое сквозь тысячелетия, вовсе не определяется масштабностью пространственно-временных параметров. Ареал деятельности Сократа был ограничен маленьким городом и немногим количеством учеников. Он не оставил записанных трудов. О Сократе мы знаем из немногочисленных свидетельств современников. Однако о силе «ударной волны» мысли, прокатившейся после его смерти, свидетельствует создание ряда разнообразных школ и течений. Думаю, что именно несхожесть, порою противоположность мировоззренческих установок его последователей говорит об огромном разрыве в духовной дистанции между Учителем и учениками, о высокой степени синтеза, которой он обладал, и которая лишь отдельными гранями могла быть воспринята его преемниками...

Уже в оценке первого поколения его последователей Сократ предстает мифической фигурой. Для Платона и других учеников он был самый лучший из всех, кого им довелось узнать на их веку, самым разумным и самым справедливым. Многие люди, стремящиеся к нравственному совершенству, усердно искали общения с ним, и в Афинах, и среди чужеземцев, но он ни с кого не брал платы за свои беседы, со всеми щедро делился своими сокровищами. Сократ слыл у иноземцев «украшением родного города». Замечательно, что Ксенофонт, вспоминая о Сократе, отдает предпочтение щедрости духовной над щедростью материальной: слава Сократа была большей, чем слава Лиха в Спарте, знаменитого щедрыми угощениями иностранцев. Сократ же в течение всей жизни, тратя себя самого, приносил громадную пользу всем желавшим: кто пользовался его обществом, уходил от него нравственно улучшенным. Не нашлось человека более мудрого, который бы как Сократ, всю свою сознательную жизнь непрестанно исследовал и учился чему только мог хорошему².

---

² *Ксенофонт*. Апология Сократа на суде // Суд над Сократом: Сб. ист. свидетельств. СПб., 2000. С. 95.

Суждениями своими и образом жизни он резко выделяется среди современников. Не нашлось другого человека, который бы меньше него был рабом плотских страстей, был более бескорыстным, не берущим ни от кого ни подарков, ни платы, был бы более справедливым, что при крайней бедности ни в чем чужом не нуждался. Необычным для большинства сограждан было пренебрежение Сократа традиционными ценностями общества. «В таком воздержании видел он заботу о свободе; а кто берет плату за свои беседы, тех он презрительно называл продавцами самих себя в рабство, так как они обязаны разговаривать с теми, с кого берут плату»³, — писал Ксенофонт.

Индивидуальность Сократа не укладывается ни в какие рамки личности. По словам Алкивиада в «Пире», сравнивать его можно не с другими людьми, а только с силенами и сатирами. Он «странный, чудаковатый, вздорный, ни на кого не похожий, сбивающий с толку». Сократ «завораживает души» своими речами. Алкивиад не раз повторяет, что магические слова Сократа приводят его в смятение: «Мне казалось — нельзя больше жить так, как я живу <...> Он заставит меня признать, что я пренебрегаю самим собою»⁴. Сократ подвергает критической оценке свою жизнь и жизнь других, пробуждая процесс осознания собственного духовного несовершенства. Нравственная оценка своей жизни, соотношение ее земного содержания с абсолютными ценностями придает смысл человеческой жизни: «Если я скажу, что ежедневно беседовать о доблестях и обо всем прочем, о чем я с вами беседую, пытаю и себя, и других, есть к тому же и величайшее благо для человека, а жизнь без такого исследования не есть жизнь для человека, — если я сам скажу, то вы мне не поверите»⁵.

В заботе о добродетели Сократ сам являет живой пример. По свидетельству ритор Либания, жил Сократ «ради истины и добродетели, кои первостепенной заботой и главным благом смертного почитал; на дороге ж сей далее всех продвинулся»⁶. Он одновременно человек, утверждающий, что не обладает мудростью, и

---

³ Там же. С. 109.

⁴ Цит. по: *Адо П.* Что такое античная философия? М., 1999. С. 46.

⁵ Там же. С. 52.

⁶ Апология Сократа ритора Либания // Суд над Сократом. С. 147.

человек, чей образ жизни вызывает восхищение. О нем нельзя сказать ни что он всецело принадлежит миру, ни что он всецело от мира отчужден. Сократ обладает способностью оставаться счастливым при любых обстоятельствах. Он умеет насладиться достатком и превосходит всех в искусстве пить не пьянея; когда же приходится терпеть лишения, он стойко переносит голод и жажду и чувствует себя так же хорошо, как и тогда, когда всего вдоволь. Сократ столь же легко переносит холод, ничего не боится, проявляет редкое самообладание в бою. Он безразличен ко всему, что прельщает других, — наружной красоте, богатству и вообще какому бы то ни было внешнему превосходству. Таким образом, Сократ достиг гармоничного сочетания в своем существе божественной и человеческой природы, его жизненный путь можно соотнести с Золотым или Срединным путем. «И потому, — пишет П.Адо, — Сократ станет примером идеального философа, чье философское творение — сама его жизнь и смерть»⁷. Явление Сократа определило рождение и наполнение понятия философии.

Сократ необходимо появился в той точке исторического пространства, когда разрушительная сила общих положений софистики привела к опустошению нравственной почвы общества. Происходил закономерный рост нового инструмента творческого познания — отвлеченного мышления. Вера в древних богов к тому времени приобрела черты лени и неподвижности. Человеческая мысль, естественно отталкиваясь от нежизненных форм, впала в другую крайность: гордыня критического разума со всей мощью обрушилась на этические основы общества. «Нет ни объективной истины, нет добра, нет богов», — утверждали софисты. «Человек предоставлен самому себе. Он сам себе закон». Опыт развития до-сократовской философии показал, к чему может привести интеллектуальное познание, оторванное от нравственной основы. «За два века умственного движения в Греции народился целый класс людей с формально развитыми мыслительными способностями, с литературным образованием и с живым умственным интересом, людей, утративших всякую веру в расшатанные традиционные устои народного быта, но при этом не имевших нравственной гениальности, чтобы отдаться всею душой исканию луч-

---

⁷ Адо П. Что такое античная философия? С. 54.

ших, истинных норм жизни»⁸. Едва обретя форму, молодая наука стремительно теряла содержание, превращаясь в пустое искусство спора. Сократ ясно видел губительную сущность методов софистов, приводящую к искажению пути познания: рассуждение разом и об исходном понятии, и о его следствиях. «Своею премудростью они способны все перепутать и замутить, но при этом остаются вполне довольны собою»⁹, — говорит Сократ. Среди них ни у кого не было речи и заботы о подлинном бытии. Значение афинского философа в оздоровлении потока научного мышления высоко оценил Плутарх: «Сократ, более чем кто-либо из людей очеловечивший философию устранением из нее всякой напыщенной темноты»¹⁰.

Делом своей жизни Сократ считает «творчество и труд на поприще Муз». Музы — образы Космических Сил — устремляют творчество человека к Совершенному и Вечному. Задача человека — сознательно направлять свою волю к Абсолюту в жизни и творчестве. Так, Сократ, приводит пример собственного исследования содержания поэтического творчества: «И вот первым делом я сочинил песнь в честь того бога, чей праздник тогда справляли, а почтив бога, я понял, что поэт — если только он хочет быть настоящим поэтом — должен творить мифы, а не рассуждения»¹¹. Здесь важно, что, приступая к новому делу, первое устремление Сократ направляет к божеству. И ответом на это устремление является вывод: истинное назначение поэта — мифотворчество, т. е. познание и изображение реальности духовного мира, которое возможно посредством духоразумения, но не рассудочного суждения. Наивысшим же аспектом проявления творческого гения человека является философия — «высочайшее из искусств». Ибо цель жизни — достижение душою мира, где «все чисто, вечно, бессмертно и неизменно». Для этого душа должна достичь чистоты, еще будучи связанной с телом, и освободиться от блужданий, безрассудства, страхов, вожделений и прочих человеческих зол. Истинная философия подразумевает подчинение тела душе, ибо

---

⁸ Соловьев В.С. Жизненная драма Платона // Платон. Диалоги. Ростов-на-Дону, 1998. С. 16.

⁹ Платон. Федон // Платон. Собр. соч.: В 4 т. Т.2. М., 1993. С. 448.

¹⁰ Плутарх. О демоне Сократа // Суд над Сократом. С. 241.

¹¹ Платон. Федон. С. 377.

«божественное создано для власти и руководства, а смертное — для подчинения и рабства»; упражнения сосредоточения души в самой себе, в течение всей жизни. Лишь тем, кто был философом и очистился до конца, стремился к познанию, дозволено перейти в род богов. Так Сократ описывает Путь, уготованный человеку от начала Времен: от человека к Богу, от смертного человеческого к бессмертному божественному. Этот Путь, спустя столетия, укажет Христос: «Я есмь Путь».

Познающий издревле хотел разгадать загадку бытия. Предметом всех его желаний была истина. Лишь душа может прийти в соприкосновение с истиной, так как она подобна божественному, бессмертному, умопостигаемому, единообразному, неразложимому, постоянному и неизменному самому по себе. Однако при жизни душа туго-натуго связана с телом и прилеплена к нему, она вынуждена рассматривать и постигать сущее не сама по себе, но через тело, словно бы через решетки тюрьмы, погрязая в глубочайшем невежестве. Подчиняясь страстям, узник сам крепче любого блюстителя караулит собственную темницу. Принимаясь что-либо исследовать совместно с телом, душа всякий раз обманывается по вине тела. Лишь вооружившись чистой мыслью, при этом освободившись от телесных чувств, можно преуспеть в исследовании бытия. «Достигнуть чистого знания чего бы то ни было мы не можем иначе как освободившись от тела и созерцая вещи сами по себе самою по себе душой. Тогда, конечно, у нас будет то, к чему мы стремимся с пылом влюбленных, а именно разум, но только после смерти»¹². При жизни же приближение к истине возможно путем ослабления связи души с природой тела, подчинения природы тела разуму и воле и воспитанием добродетелей. Однако подлинные добродетели сопряжены с «разумением», т. е. должны быть сознательными. Не может быть истинным мужество, проявленное из страха перед еще большим злом, или умеренность в одних удовольствиях ради победы других. Без осознанного воспитания такие добродетели — пустая видимость. Сократ указывает, что сам процесс самосознания, «разумение», есть средство очищения души, так как в непрерывном соприкосновении с постоянным и неизменным, она [душа] и сама обнаруживает те же свойства.

---

¹² Там же. С. 387.

На этом пути, говорит Сократ, душу стремящегося к познанию берет под свое покровительство *философия*. Она «с тихими увещаниями принимается освобождать [душу], выявляя, до какой степени обманчиво зрение, обманчив слух и остальные чувства, убеждая отдаляться от них, не пользоваться их службою, насколько это возможно, и советуя душе сосредоточиваться и собираться в себе самой, верить только себе, когда, сама в себе она мыслит о том, что существует само по себе, и не считать истинным ничего из того, что она с помощью другого исследует из других вещей, иначе говоря, из осязуемых и видимых, ибо то, что видит душа, умопостигаемо и безвидно»¹³.

На основании последней мысли, казалось, можно было бы заключить, что и для Сократа истина была лишь отвлеченной теоретической истиной, оторванной от жизни, и что он отрицал всякую науку как способ познания. Напомним свидетельства современников. По воспоминаниям Ксенофонта, Сократ «не рассуждал на темы о природе всего, как рассуждают по большей части другие; не касался вопроса о том, как устроено то, что софисты называют “космос”, и по каким непреложным законам происходит каждое небесное явление. Напротив, он даже указывал на глупость тех, кто занимается подобными проблемами»¹⁴. Либаний свидетельствует: «Не касался он, с людьми беседуя, природы небесной и солнечной, путь Луны вычислять не собирался и причин молнии и грома не искал, так как полагал знание сих предметов бесполезным для жизни человека...»¹⁵. Диоген Лаэртций не спешит с категоричными выводами: «Я полагаю, — пишет он, — что Сократ вел беседы и о физике — во всяком случае даже Ксенофонт хотя и утверждает, будто беседы его были только об этике, но признает, что он рассуждал и о провидении; и Платон, хоть и упоминает в “Апологии”, как Сократ отрекается от Анаксагора и прочих физиков, но сам же рассуждает об их предметах, приписывая все свои речи Сократу»¹⁶. Из замечания Ксенофонта мне кажется важным акцент, что Сократ на темы «о природе всего» не рассуждал, *как другие*. Но он и во всем не был похож на других... Сократ не стоял вне научного русла своего времени. Однако это русло не совпада-

---

¹³ Там же. С. 417.

¹⁴ *Ксенофонт*. Воспоминания о Сократе // Суд над Сократом. С. 105.

¹⁵ Апология Сократа ритора Либания // Там же. С. 148.

¹⁶ *Диоген Лаэртций*. О Сократе // Там же. С. 233.

ло с общепринятыми понятиями о науке и познании. Из диалогов Платона мы можем составить представление об отношении Сократа к сокровенным учениям. Учитель в своих суждениях ссылается на сокровенные обряды и ритуалы, оценивает пифагорейское учение как «величественное» и «очень глубокое». Говорит также Сократ своим ученикам о непрерывной линии Древнего Знания, содержащегося в орфических мистериях и тождестве этого знания с истинной философией. «И быть может, те, кому мы обязаны учреждением таинств, были не так уж просты, но на самом деле еще в древности приоткрыли в намеке, что сошедший в Аид непосвященным будет лежать в грязи, а очистившиеся и принявшие посвящение, отойдя в Аид, поселятся среди богов. Да, ибо, как говорят те, кто сведущ в таинствах, “много тирсоносцев, да мало вакхантов”, и “вакханты” здесь, на мой взгляд, не кто иной, как только истинные философы»¹⁷.

Что же касается границ познания и познаваемого, Сократ говорит так: «Что боги предоставили людям познать и делать, тому <...> должно учиться»¹⁸, т.е. в познании человек ведом провиденциальными силами. Лишь выполняя волю провидения, человек может достичь вершин познания. Сам Сократ и в этом являет собою пример, всю жизнь следуя голосу своего демона. Провиденциальное руководство не лишает человека свободы воли. Сократ рассказывал, что Голос отклонял его всякий раз от неразумных действий, но никогда не указывал, что делать. Впоследствии Плутарх даст объяснение необыкновенной восприимчивости к мыслям у выдающихся и божественных людей (это явление наука начнет исследовать лишь в XX в.): «Подобно тому, как мысль, даже и не облеченная в звук, возбуждает движение, так с полной убедительностью, как мне кажется, могли бы предположить, что ум следует водительству более высокого ума и душа — более божественной души, воздействующих на них извне тем соприкасанием, какое имеет слово со словом или свет со своим отблеском. В сущности мы воспринимаем мысли друг друга через посредство голоса и слов, как на ощупь в темноте: а мысли демонов сияют своим светом тому, кто может видеть и не нуждается в речах и именах, пользуясь которыми как символами в своем взаимном общении

---

¹⁷ Платон. Федон. С. 392.

¹⁸ Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. С. 104.

люди видят образы и подобия мыслей, но самих мыслей не познают — за исключением тех людей, которым присущ какой-то особый, божественный, как сказано, свет»¹⁹. Следуя божественному голосу, не отрицает Сократ познание природы, но учит к познанию, как и к любому другому вопросу, подходить сознательно. Познающему прежде необходимо встать на прочное основание и ясно увидеть цель.

Сократ поставил вопрос о применении полученного знания. «Кто изучает дела человеческие, надеется сделать то, чему научится, достоянием как себя, так и других: думают ли исследователи божеских дел, что они, познав, по каким законам происходят небесные явления, сделают, когда захотят, ветер, дождь, времена года и тому подобное — что им понадобится, или же они ни на что подобное не надеются, а им кажется достаточным только познать, как совершается каждое явление такого рода?»²⁰ Как будто предвидел Сократ времена, когда отобранные у природы тайны несовершенное человеческое сознание будет использовать для уничтожения всего живого...

Первый вопрос, который рассматривал Сократ относительно познающих, был такой: «Считают ли они себя достаточно знающими то, что нужно человеку, и потому приступают к изучению таких предметов или же, оставляя в стороне все человеческое, а занимаясь тем, что касается божественного, они думают, что поступают как должно?»²¹ Возможно ли неочистившейся душе, узнице тела, познать божественное, может ли ограниченный сосуд человеческого сознания вместить беспредельное? Те же, кто в гордыне своей спешил рассуждать на эти темы, не могли найти согласия между собой и впадали в крайности: «Одни сумасшедшие не страшатся даже страшного, другие опасаются даже неопасного <...> одни не почитают ни храма, ни алтаря, ни вообще ничего божеского, другие благоговеют перед всякими камнями, кусками дерева, животными»²². Та же непримиримость была и среди физиков: единство сущего противопоставлялось беспредельности и мно-

---

¹⁹ *Плутарх*. О демоне Сократа // Суд над Сократом. С. 244.

²⁰ *Ксенофонт*. Воспоминания о Сократе. С. 106.

²¹ Там же. С. 105.

²² Там же. С. 105–106.

жественности, вечное движение — неподвижности; вечное рождение и гибель — вечному существованию. Философская мысль в поисках причины вещей смешивала истинную причину и начала, необходимые для ее проявления. Такое познание Сократ уподобил движению толпы «ощупью», «в потемках». «Но силы, которая наилучшим образом устроила все так, как оно есть сейчас, — этой силы они не ищут и даже не предполагают за нею великой божественной мощи»²⁵.

Вид причины, который исследует Сократ — прекрасное, благое и великое само по себе. В знаменитой притче «о пещере» раскрывается сущность видимого и истинного познания, соотносимых с чувственной и духовной реальностями («миром теней» и «горней обителью»). Как глаз человека, привыкший к темноте, не может вынести солнечного света, так сознание духовного слепца, живущего лишь видимой действительностью, не переносит света истины. Что стоят почести, похвалы и награды, раздаваемые обитателям пещеры, изучающим «движение теней», для человека, познавшего мир истинного света? Жители же подземной темницы воспринимают Того, кто приносит знание об истинной причине всего, как слепца и безумца. Так встречаются два мира, свет и тьма, величие и трагизм в истории: осужденный толпою философ, освобождающий сознания от тьмы призрачного мира, спокойно и ясно идет на смерть, а человечество, осужденное истиною, лишенное света, претерпевает самопорожденные муки.

За великой духовной силой, с которой великий философ прошел жизнь до конца, не теряя достоинства, стояло знание о какой-то иной жизни, более ценной и значительной, которую он считал предметом последних стремлений для человека. Последнее знание, которое оставляет Учитель своим ученикам — миф об удивительной планете Земля, сокрытой от тех, кто привык рассуждать о ее размерах и свойствах. Сократ духовным взором видит планету как бы из космоса: Земля покоится чистая в чистом небе со звездами. Необыкновенная сфера реальности открывается слушателям. Границ этого мира обычные люди достичь не могут по причине своей слабости и медлительности. Природа реальности высшего мира настолько отличается от нашей, что человек мира зем-

---

²⁵ Платон. Федон. С. 444.

ного едва способен вынести зрелище этого мира. «Но если бы кто-нибудь все-таки добрался до края или же сделался крылатым и взлетел ввысь, то, словно рыбы здесь, у нас, которые высовывают головы из моря и видят этот наш мир, также и он, подняв голову, увидел бы тамошний мир»²⁴. Мир поднебесной Земли играет такими яркими и чистыми красками, которых мы в своем мире увидеть не можем. Лик этой Земли представляется Сократу единым, целостным и нескончаемо разнообразным. Там обитают многие живые существа, есть и люди. Люди же там никогда не болеют и живут дольше нашего. По природе своей эти люди настолько отличны от нас, насколько «воздух отличен чистотою от воды или эфир от воздуха». О жизни людей Сократ рассказывает так: «Есть у них храмы, и священные рощи богов, и боги действительно обитают в этих святилищах и через знамения, вещания, видения общаются с людьми. И люди видят Солнце, и Луну, и звезды такими, каковы они на самом деле. И спутник всего этого — полное блаженство»²⁵. Перед нами предстает мир гармонии и красоты, знание о котором присутствует в мифологиях всех времен и народов. Описание мира блаженства мы можем встретить у многих Святых и мистиков последующих времен. Встреча с этим миром — цель всех устремлений для идущего по Пути истины. Перед величием этого достижения меркнут все богатства и ценности земли. «А чего бы не дал всякий из вас за то, чтобы быть с Орфеем, Мусеем, Гесиодом, Гомером? Что меня касается, то я желаю умирать много раз, если все это правда...»²⁶. В том мире за правду не убивают, потому что люди там блаженны и бессмертны.

Жизнь, учение и смерть Великого философа стали источником, наполняющим духом жизни все последующее многообразие философских течений. Но это широкое, многоликое русло философской мысли изначально было направляемо двумя противоположными берегами: Платоном и Аристотелем. Первый — ученик и духовный преемник Сократа, которого уже в древности называли божественным. Второй — ученик самого Платона, чей всеобъемлющий ум на века определил каноны научного мышления.

---

²⁴ Там же. С. 462.

²⁵ Там же. С. 464.

²⁶ *Платон. Апология Сократа // Платон. Диалоги. С. 88.*

Платон шел к истине по пути духовного синтеза, Аристотель искал ее на путях логики, науки и рассудка. Целью такого размышления не должна быть попытка анализа различий этих двух, бесспорно, великих систем. Нами ставится задача определить причину появления столь непримиримого различия порождений человеческого гения. В основание поиска положена нравственная платформа эпохи, сформированная Сократом и закрепленная подвигом смерти праведника за правду.

Платон. Всю свою жизнь посвятил увековечению имени и развитию идей Учителя, воплощению принципа Правды не только в человеческой личности, но и в человеческом сообществе. «Для Платона вопрос был в том: быть или не быть правде на земле — вопрос универсальный, хотя живо ощутить его значение могла, конечно, лишь великая личность — вот истинное соответствие, настоящий синтез всеобщего и индивидуального, субъективного и объективного начал в драме, — и этот синтез, никаким поэтом не придуманный, произошел в действительной истории»²⁷. Замечателен тот факт, что почти невозможно достоверно вычленив исторический облик и учение Сократа из философской доктрины Платона. Личное авторство ученика сознательно растворяется в облике Учителя. Вкладывая в уста Сократа учения о двух мирах (идеальном и материальном), о Душе, об Идеях, о Государстве, Платон как бы постоянно соотносит их с Истинной Философией и обликом Истинного Философа. Философия Платона одухотворена устремлением к высшему, лучшему и вечно прекрасному, тому, чем живет и движется мир. Для Платона философия была больше, чем знание: для него она была внутренним делом. Истину нельзя рассказать, показать: ее нужно припомнить. Упорный духовный труд освобождает дух от оков материального мира и позволяет воспарить в мир «горний». За оболочкой вещи увидеть ее идею, за внешностью живого человека — идеального человека — может лишь чистая, свободная душа, возвышающаяся до умопостигаемых сфер. Узникам здравого смысла недоступно восприятие высшей действительности. В споре со знаменитым циником Антисфеном, утверждавшим, что он видит льва, но не видит львиности (т. е. идеи льва), Платон сказал: «У тебя есть орган чувств-

---

²⁷ Соловьев В. С. Жизненная драма Платона. С. 35.

венного восприятия, глаза, чтобы видеть отдельный предмет, но у тебя нет того органа, которым воспринимаются идеи предметов»²⁸.

Образ Эрота в «Пире» Платона — это не только символ истинного философа, образ Учителя, не только стремление к мудрому и благому, но и стремление к творческому созиданию. Творчеству присуща не только «телесная плодovitость» (природный процесс самовоспроизведения), но и «духовная плодovitость»: идеи высшего мира «жаждут» воплотиться в мире материальном. Поэтому так важно выполнение задачи, возложенной богами на человека: «творчество на поприще Муз». Это творчество не только в сфере искусства, но и мудрая организация во всех сферах человеческой жизни и жизни человеческих сообществ. Не случайно, почти одновременно Конфуций в Китае, а Платон в Греции стремились приложить свои знания к социальной жизни и построить «идеальное государство» на Земле.

Платон не единственный в свою эпоху основал учебное заведение, предназначенное для философского воспитания. Одновременно с ним собственные школы создали и другие ученики Сократа — Антисфен, Евклид из Мегар, Аристипп из Кирены, но Академия Платона будет славиться не только в его эпоху, но и впоследствии — как достоинствами своих членов, так и совершенством своей организации. Платон в своей «Академии» наиболее близко смог воплотить принципы Учителя. В платоновской школе воспитанников в первую очередь учили жить, как подобает философу. Жить, как подобает философу, — значит посвятить себя духовной и интеллектуальной жизни, преобразить свою нравственную природу. П. Адо предположил, что в Академии существовала общая концепция науки как формирования человека, как постепенного и многотрудного воспитания характера (в том числе применялись определенные духовные практики), как гармонического развития всей человеческой личности, наконец, как образа жизни, призванного обеспечить благую жизнь, а тем самым и спасение души²⁹.

Аристотель. Был учеником и другом Платона, провел в Академии более 20 лет. Возможно, он был самым способным учени-

---

²⁸ Цит. по: *Шестов Л.* Лекции по истории греческой философии. М.; Париж, 2001. С. 135.

²⁹ *Адо П.* Что такое античная философия? С. 78.

ком своего учителя. Влияние его на развитие философской и научной мысли было колоссальным. В Средние века его даже называли «Предшественник Христа по естеству» — т. е. считали почти что земным богом. Можно сказать, что большинство завоеваний, сделанных наукой, связаны с именем великого стагирита. Но верно также и то, что большинство предрассудков и заблуждений, пустивших наиболее глубокие корни в науке, тоже должны быть поставлены на его счет. Направленность мысли на постоянное, стремление к объединению всего нашего знания посредством единого начала и готовность добровольно ограничить сферу познаваемого наряду с отвращением ко всему, что выходит за пределы возможного опыта, и сделали из Аристотеля основателя положительной философской науки. Задачи науки он свел к возможно более ясному и полному освещению всех элементов, из которых складывается жизнь, и к установлению отчетливых связей между этими элементами. Он установил твердые принципы научного исследования, сделав его последовательным и систематическим, уверенным, что все доселе еще неизвестное, может быть сведено к уже известному, т. е. достигнуто разумом.

Аристотелю чуждо сознание двойственности нашего мира, сознание, которым определялась и двигалась мысль Платона. «Он первый совершенно отделил чисто научное исследование от области религиозной. И Платон, конечно, критиковал народные верования, но его философская система вся пропитана религиозным духом. Вся же система Аристотеля и все его мировоззрение стремится объяснить явление только естественными причинами <...> и он никогда даже не пытался объяснить явления ссылками на божественное вмешательство»³⁰. Если, по Платону, главная задача человека, стремящегося к истине, — вырваться из пещеры мнимой действительности в мир истинных вещей, то, по Аристотелю, таковая задача — тщательное изучение позитивного мира: знание должно быть направлено на изучение формы вещей. Форма есть сущность всякой вещи, и она же есть конечная цель. Платоновское учение об идеях у Аристотеля превращается в учение о форме и материи. В разных сочинениях и по различным поводам он все возвращается к теории идей, стараясь как можно более убедительно доказать ее несостоятельность.

---

³⁰ Шестов Л. Лекции по истории греческой философии. С. 179–180.

В полной противоположности с Сократом и Платоном Аристотель хочет сделать истину совершенно независимой от добра и добродетели. «Истина не проникает в иной таинственный мир недоступных человеку в его обычном состоянии сущностей. Истина всегда, везде и всем доступна, ей можно обучиться, она и должна быть предметом преподавания»³¹. Он уже не отождествляет, подобно Сократу и Платону, истину и знание с добром. Пути истины и добродетели отныне не пересекаются! Аристотель не отрекается от добродетели, но добродетельная жизнь оказывается самоцелью. Можно обладать знанием, быть очень ученым человеком и прекрасным философом и оставаться равнодушным к добру.

И сейчас, по прошествии более двух тысячелетий, системы Платона и Аристотеля все так же величественны и грандиозны. Подвиг жизни и учение афинского философа Сократа время не умалило, но лишь очистило от непонимания и сора современников. Оглядываясь на долгий путь, пройденный человеческой мыслью по дороге Познания, можно сказать, что сколько умов, столько и миров. Различием сознаний обусловлено различие миропониманий. Мир окружающий измеряется размером сознания, и каждая правда — это часть Правды Великой не объятого человеческим умом Сущего. Лишь немногим избранным удавалось провидеть за отдельными человеческими пониманиями величие Мироздания во всей своей единой великой целостности. О степени синтеза философских систем Сократа, Платона и Аристотеля лучше мнений потомков говорят их судьбы.

Во всех научных устремлениях европейского человечества мы найдем почти всегда следы влияния Аристотеля. Его миропонимание лежит в основе рационального познания. Добровольное ограничение пределов познаваемого мира видимой действительностью привели на рубеже античности и Средних веков к утрате космического мирозерцания. Философия перестала быть сакральной и из священного гнозиса превратилась в рациональный распорядок отвлеченной мысли. Мысль познающая от Пути «любви к Мудрости» взяла курс к Олимпу цивилизации.

---

³¹ Там же. С. 175.

Обращение в веках философской мысли к учению Платона оборачивается все новыми источниками творческой мысли, наполняющими течения неоплатонизма и влекущими за собой волны возрождений на обширном «поприще Муз». Уместно привести высказывание Льва Шестова: «Ни одна философская система никогда не привлекала к себе столько внимания и не возбуждала такого глубокого и искреннего интереса, как система Платона. Ее критиковали, заменяли другими системами, — но к ней снова возвращались, словно чувствуя, что какая-то великая и последняя правда была у Платона...»³² Обращение к Платону во многом определило начало возрождения философии XX в.

Учение и высокие заповеди Сократа остались вневременны. Сократа любили и на него постоянно ссылались столь разные люди, как Аристотель, Эпиктет, Сенека и Плотин. К нему возносил слово благодарности Цицерон, в его мыслях найдя духовную опору среди обрушившихся на него жизненных невзгод. Многие из отцов раннего христианства относились к Сократу с пиететом, сознавая, что его заповеди не противоречат христианским (например, сочинение Блаженного Августина «О граде Божием»). Эразм Роттердамский ставил Сократа почти в один ряд с христианскими святыми, устами одного своего героя восклицая «Святой Сократ, моли Бога о нас!» Для многих Сократ стал духовной опорой и провозвестником мира иного, неведомого.

И если по степени ассимиляции человечеством великих учений античности оценивать приближение к их великим творцам, то можно сказать, что Аристотелем мы живем, Платона еще только учимся понимать, а Сократ так и остался пока еще недостижимым Идеалом Философа.

Подводя итог вышеизложенному, о Пути познания истины, которым следовал Сократ, можно заключить следующее. Истинной целью познающего является истинное знание, соотносимое с миром высшей реальности, миром причин вещей. По мысли Н. Бердяева, древнее питание философии было питанием религиоз-

---

³² Там же. С. 137.

ным: «Философия, да и всякое познание, была функцией жизни, а жизнь была органически религиозна. На религиозном питании, на органической связи с народной жизнью была основана философская мудрость Гераклита и Пифагора <...> И мудрость божественного Платона связана, быть может, с посвящением в Элевзинские мистерии. У учителей церкви, у средневековых мистиков была посвященность в тайны христианства, было приобщение к таинственным реальностям. Без посвящения в религиозные тайны и без приобщения к религиозным таинствам нет питания; знание становится худосочным и отвлеченным, порывает с живым бытием»³³. Достижение высшего знания возможно через возвышение природы познающего и сопряжено с духовным трудом. Степень полноты знания соответствует степени сопричастности душевно-духовной сущности человека миру высшему. Сознание познающего, чья душа не освободилась от власти телесной природы, вынуждено постоянно выбирать между реальностью духовной и очевидностью чувственного бытия. В этом причина сомнений учеников Сократа. Свобода духа, победившего власть плоти, составляет основу знания Учителя о мире «горней обители». Поэтому истинное знание невозможно уместить в набор положений и формул, которые можно записать, передать другому или продавать в готовом виде. В «Пире» описан характерный момент, когда Агафон высказывает мысль, чтобы и ему досталась доля той мудрости, которая осенила Сократа, на что Сократ отвечает: «Хорошо было бы, если бы мудрость имела свойство перетекать, как только мы прикоснемся друг к другу, из того, кто полон ею, к тому, кто пуст». Достижение Мудрости неотделимо от Пути истинной философии — заботы о бессмертной душе не только на нынешнее время, но и на все времена. «Думайте и пекитесь о себе самих, — говорил ученикам Сократ, — и тогда, что бы вы ни делали, это будет доброю службой и мне, и моим близким, и вам самим, хотя бы вы сейчас ничего и не обещали. А если вы не будете думать о себе и не захотите жить в согласии с тем, о чем мы толковали сегодня и в прошлые времена, вы ничего не достигнете, сколько бы самых горячих обещаний вы сейчас ни давали»³⁴.

---

³³ Бердяев Н.А. Философия свободы. М., 1989. С. 3.

³⁴ Платон. Федон. С. 470.

Миссия истинного философа заключается не только в достижении собственного совершенства, но и в пробуждении духовно спящих сознаний, исцелении малых сознаний от страхов и сомнений. В «Федре» Платон говорит о людях, которые «сеют в душах» семена: такой человек «насаждает и сеет речи, способные помочь и самим себе и сеятелю, ибо они не бесплодны, в них есть семя, которое родит новые речи в душах других людей, способные <...> сделать его обладателя счастливым настолько, насколько может быть счастлив человек»³⁵. Известно, насколько оздоровляющим было действие постоянного диалога между Сократом и его учениками, между ведущим и последователями. Сенека отметит это определяющее значение непосредственного общения с Учителем: «Но больше пользы, чем слова, принесли бы тебе живой голос мудрецов и жизнь рядом с ними. Лучше прийти и видеть все на месте, во-первых, потому, что люди верят больше глазам, чем ушам, во-вторых, потому, что долог путь наставлений, краток и убедителен путь примеров. Не стал бы [стойк] Клеанф точным подбьем Зенона, если бы он только слышал его. Но ведь он делил с ним жизнь, видел скрытое, наблюдал, живет ли Зенон в согласии со своими правилами. И Платон, и Аристотель, и весь сонм мудрецов, которые потом разошлись в разные стороны, больше почерпнули из нравов Сократа, чем из слов его»³⁶. Расставаясь с Сократом, его ученики понимали, что остаются без духовного наставника, без «чародея», сведущего в заклинаниях и исцеляющего души от мрака сомнений. Покидая мир, Учитель завещал им Путь духовного водительства: «Греция велика <...> и, конечно, сведущие люди найдутся. А сколько племен и народов кроме греков! И в поисках такого чародея вам надо обойти их все, не щадя ни денег, ни трудов, ибо нет на свете ничего, на что было бы уместнее потратить деньги. Надо поискать и среди вас самих: мне кажется, вы не так легко найдете человека, который сумел бы исполнить эту задачу лучше вашего»³⁷.

---

³⁵ *Адо П.* Что такое античная философия? С. 68.

³⁶ Там же. С. 68–69.

³⁷ *Платон.* Федон. С. 404.